

«Невозможно!»

Именно это стало первой мыслью Линя.

Среди двух Листчесов Азари как минимум один являлся фальшивым. О полном превращении в другого человека Линь уже слышал ранее — это был один из видов кровеплотяной магии. Среди служителей Матери Первозданной Крови лишь немногие владели таким умением, но даже подобная внешняя имитация не могла обмануть инквизиторское удостоверение, в котором фиксировалась душа. Любой, кто попытался бы с помощью этой способности проникнуть в центральное отделение Инквизиции, неизбежно останавливался бы уже на первом этапе — при проверке карты на входе.

Если же войти без удостоверения... Под надзором ритуала метки жизни человек без документов мгновенно отмечался красным на карте центрального отделения Инквизиции.

«Неужели это кто-то из инсайдеров, кто действительно хорошо владеет кровеплотяной магией? Тогда умерший директор Листчес был настоящим... или поддельным?»

Поток информации оказался слишком велик, и Линь всё же не выдержал. Он убрал руку от экрана, давая мозгу возможность перевести дух.

В этот момент сопровождавший археолог пристально уставился на него.

Линь сразу понял: его поведение уже вызвало у коллеги подозрения.

«Эх, не следовало отпускать руку... Мне стоило досмотреть, что делали эти два "директора Листчеса"... Пойдите, а действительно ли их было всего только двое?»

Ему хотелось легко ответить «да», но логика подсказывала: раз уж появилось двое совершенно одинаковых людей, то появление третьего, неотличимого от них, — тоже вполне естественный вариант.

«Если бы я только мог видеть больше...»

Будто откликнувшись на его внутреннее желание, всё поле зрения Линя резко погрузилось в серый мрак. И только отдельные предметы, напротив, сделались ярче, засияв слабым серебристым светом.

Один из них являлся экраном компьютера, к которому он только что прикасался. Остальные огоньки, рассыпанные по кабинету, исходили в основном от книг и полок: Линь заметил, что источниками сияния были камни, кристаллы и минералы.

Иными словами, всё, что обладало зеркальной поверхностью.

Оставшийся серебристый свет исходил от трёх человек в кабинете — от их глаз и от пуговиц на их одежде.

«Конечно, глаза — тоже зеркало! Как же я мог раньше упускать это из виду?»

Озарённый догадкой, Линь сделал шаг назад и оглядел все зеркальные поверхности в комнате, что одновременно излучали свет. Лучи переплелись, и в местах пересечения вырисовались призрачные фигуры.

Он увидел археологов, вошедших для проверки; себя, засвидетельствовавшего смерть директора Листчеса и крикнувшего, чтобы люди из внешнего офиса позвали инспекторов внутреннего надзора; а затем — знакомую сцену: директор Листчес, неподвижно сидящий в кресле. А дальше появился другой директор Листчес, тащащий большой сундук через скрытую дверь в книжном шкафу справа.

В обратной перемотке это означало, что директор Листчес с сундуком уходил из кабинета через этот тайный проход.

Линь знал, что в каждом здании центрального отделения Инквизиции имелись тайные двери и ходы. На обучении новичков об этом говорили, и ему даже показывали несколько таких. Но о скрытом проходе в кабинете директора он узнал впервые.

Он посмотрел в ту сторону. Тем временем сопровождавшему его археологу показалось, что темноволосый ритуалист с повязкой на глазах, перестав смотреть на чёрный экран сетевого терминала, вдруг замер на несколько секунд, а затем резко повернул голову в другом направлении.

Двое других археологов, знавшие о существовании там тайной двери, бросили на Линя оценивающие взгляды.

Но, очевидно, видеть сияние мог только он один, хотя сейчас у него не имелось времени размышлять об этом.

В сером зрении отражения продолжали показывать события прошлого. Линь увидел, как два директора Листчеса переоделись. Если смотреть в прямом времени, то тот, что в итоге погиб от проклятия, изначально был совершенно голым. Второй, который потом ушёл, снял с себя одежду и приказал первому надеть её.

Весь процесс «одевания» прошёл в полном молчании. Погибший директор Листчес двигался механически, отрывисто, словно кукла или робот.

Значило ли это, что «умерший» Листчес Азари не был настоящим Листчесом Азари?

«Но ведь совсем недавно он проходил допрос. Если уже тогда директор выглядел так, как сейчас, неужели никто не заметил подмены?..»

Линь продолжил наблюдать. Поскольку он передал свою одежду «умершему» директору Листчесу, «выживший» достал заранее приготовленный новый комплект и надел его. Среди предметов одежды обнаружилось несколько алхимических артефактов. Например, пара коротких сапог, о которых Линь давно мечтал. В них можно было ходить по стенам и не оставлять следов.

«Незримая паутина», цена — пять тысяч юаней. Юный инквизитор позволить их себе не мог.

Если вещественных улик на месте не оставалось, археологи не могли достоверно восстановить картину.

Покончив с переобуванием, «выживший» директор Листчес тщательно вычистил пол. Он заранее предугадал, каких людей пришлёт Инквизиция проверять место его «смерти».

Отражённое время всё так же шло вспять. Уже порядком потрясённый, Линь вновь остолбенел.

«Умершего» директора Листчеса выпустил из сундука именно «выживший» директор Листчес.

Когда он его «выпустил», ритуальные круги, выгравированные на внутренней и внешней стенках сундука, погасли. Линь успел рассмотреть, каким был этот комбинированный ритуал: «сохранение» плюс «синхронизация».

Комбинированный ритуал — это когда два и более одновременно действующих ритуала объединялись в один большой круг.

Ритуал «сохранения» на самом деле имел другое название — «ритуал поддержания жизни». Его использовали в условиях поля боя на тяжелораненых: требовалось лишь через определённое время заменять в круге рубин, чтобы поддерживать жизнь пострадавшего до прихода целителей.

А другой ритуальный круг «синхронизации» позволял одному человеку видеть то, что видел другой; слышать то, что тот слышал; а также разделять с ним осязание. Если один занимался тренировкой, то другой, подключённый к нему, также получал эффект от упражнений.

«В современном обществе, — подумал Линь, — за такую технологию многие платили бы деньги, лишь бы худеть лёжа».

Когда-то он даже фантазировал, чем занялся бы, если бы перенёс ритуальные технологии обратно на Землю. Это стало бы одним из направлений для многообещающего бизнеса.

В общем, комбинированный ритуал внутри сундука принадлежал к дорогим ритуалам области Матери Первозданной Крови.

Вероятнее всего, он поддерживал жизненные показатели директора Листчеса, находившегося в сундуке, и через синхронизацию сохранял полное сходство двух лисолюдов в фигуре и телосложении.

Чтобы постоянно поддерживать жизнь исключительно с помощью ритуала, при этом не допуская никаких изменений во внешности, «сундуковый» Листчес должен был провести внутри как минимум десяток недель.

Если Листчес Азари из сундука являлся настоящим, то это означало, что одного из руководителей Инквизиции Шпиневиля подменили уже как полгода назад, и никто этого не заметил... Такого просто не могло быть.

О других Линь не говорил, но в проницательность Фельдграу Дуофюра он верил.

Однако даже если это пока отложить, существовала куда более важная деталь — узор, выгравированный на внешней стороне сундука.

Как официальный ритуалист, обученный в специальной школе, Линь никогда раньше не видел такого круга.

Что являлось странным, ведь в центре круга находилась гагатовая вставка — символ того, что ритуал указывал на Инеевого Звоноврана, бога смерти.

Поскольку ритуал отсылался на одного из Столпов, а не на какого-нибудь тёмного бога, Линь должен был знать его наизусть. Но он никогда не видел подобного.

«Неужели это ритуал, разработанный самим директором Листчесом?»

Линь продолжил смотреть и увидел, что перед тем, как открыть сундук, «выживший» Листчес снял с себя одну из своих шалей. На ней красовался рисунок того же ритуала, что и на сундуке.

Он положил на круг кусок гагата и тело мёртвого хамелеона, после чего, прошептав молитву, активировал ритуал.

Его эффектом стало то, что...

Несколько секунд спустя, просмотрев весь процесс от начала до конца, Линь в последний раз взглянул на лицо директора Листчеса — такое знакомое и в то же время уже чужое. После этого он «отключился» от странного серого зренья, немного поразмышлял и принял решение.

— Я хочу взглянуть на одежду, в которой был директор Листчес в момент смерти, — сказал он сопровождающему его археологу. — Можно?

Археолог не понял, почему Линь после долгого молчания вдруг попросил об этом, но раз его допустили даже на место смерти, то просьба взглянуть на личные вещи казалась вполне разумной.

Они вышли из внутреннего кабинета, Линь поблагодарил коллегу-запечатателя, охранявшего дверь, а затем... Снаружи к ним тут же присоединился Аллет, до этого нетерпеливо ждавший у входа.

— Хе-хе, — хмыкнул он, — наверняка никаких зацепок ты не нашёл.

Но Линь, у которого мысли работали на пределе, не удостоил его ответом.

Морг находился в другом корпусе, туда они быстро добрались на трамвае. Там тело директора Листчеса уже было обнажено. Похоронщик в чёрном пальто вскрывал его грудную клетку, совершенно не обращая внимания на проклятие. Он брал окровавленные органы и с поразительной точностью вкладывал их обратно в полость тела.

Линь бросил на труп один взгляд и пошёл дальше за археологом. Аллет следовал за ними, стараясь не смотреть по сторонам, но его дрожащие руки и распушившийся хвост выдавали напряжение лисолюда.

— Все вещи, что были при директоре Листчесе, находятся здесь, — сказал археолог, открывая соседнюю комнату.

Там тоже кипела работа. На полу, покрытом бумажными листами, лежала окровавленная одежда, аккуратно расправленная и расположенная по порядку. Особое место занимали семь-восемь квадратных шалей, так любимых директором Листчесом. На них, выполненные кровью или чернилами с порошком из драгоценных камней, были нанесены ритуальные круги.

Линь внимательно осмотрел их все, затем выпрямился и сказал археологу и Аллету:

— Труп в соседней комнате — не настоящий директор Листчес.

Его слова прозвучали как удар грома. Аллет распахнул глаза, а все остальные в комнате перестали работать и уставились на него.

Линь не стал дожидаться их сомнений. Он дал им лишь мгновение переварить услышанное, а затем продолжил:

— Я видел смерть этого тела вблизи. Но в тот момент, пока «директор Листчес» ещё не проявлял признаков проклятия, моё внимание было приковано к его рабочему терминалу.

Археолог кивнул: он помнил, как Линь долго смотрел на экран.

— Меня вот что удивило... У него всегда имелась куча бумажной работы, он постоянно сидел за отчётами. И он много трудился: пока он находился в кабинете, его терминал никогда не гас. А тогда экран был чёрным. Значит, к моменту моего прихода он уже давно не работал.

На самом деле Линь рассуждал от результата к доказательствам, но его слова звучали уверенно. Он сделал паузу и добавил:

— Пусть это и догадка, но вы можете проверить журналы работы терминала у механиков.

— Я запишу это, — серьёзно ответил археолог. — Но у тебя есть что-нибудь ещё в качестве доказательств?

— Конечно, — Линь указал на разложенные шали. — Когда у меня появились сомнения, я порылся в памяти и понял: у тела в соседней комнате была одна шаль, которую утром Листчес не носил.

— Подожди... — Аллет недоверчиво округлил глаза. — Ты подметил нечто подобное?!

— То, что у тебя плохая зрительная память, — не моя проблема, — отрезал Линь и, не обращая внимания на его покрасневшее лицо, продолжил: — На самом деле я специально запоминал все шали директора Листчеса.

Конечно, это была ложь. Он говорил это лишь для того, чтобы подготовить почву для следующего аргумента.

Не моргнув, Линь встретил полный сомнений взгляд Аллета и холодно добавил:

— Он являлся твоим дядей. Неужели ты сам не знаешь уровень его мастерства? Я, например, всегда тайно учился у него. Все круги на его шальных — это результат десятилетий его опыта, это лучшие ритуалы для работы.

Его слова прозвучали настолько убедительно, что у Аллета все сомнения мгновенно обернулись против него самого.

Почему он сам никогда не задумывался учиться у дяди? Потому что по его вкусу те бесконечные шали выглядели ужасно...

Но Линь не стал давить на Аллета дальше. Вместо этого ритуалист обратился ко всем:

— Так что я прекрасно знал, какой ритуал на какой шале. И та, что была заменена, содержала круг вот с такими узорами.

Он достал из кармана блокнот с карандашом и набросал несколько ключевых линий того ритуала, который видел в сером зрении.

Конечно, целиком он его воспроизвести не мог — в реальности он никогда не изучал круги на шалах директора Листчеса. Но он не сомневался: такая важная шаль с ключевым ритуалом должна была лежать под остальными восьмью, чтобы её никто не заметил.

А если он скажет, что «однажды ветер поднял край шали, и он увидел часть узоров» — никто не сможет доказать обратного.

— Это примерно такой круг, — показал он эскиз. — Во всяком случае, его здесь среди этих восьми шалей нет. Кроме того, в кабинете директора исчезли один гагат и чучело хамелеона.

«Ты как заметил подобные детали?!» — мысленно взвыл Аллет. Он, бывавший в кабинете дяди чаще, чем Линь, сам ничего такого не запомнил.

А Линь, вооружённый серым зрением, уже громко заявил:

— Гагат указывает на Инеевого Звоноврана, хамелеон символизирует скрытность. Если предположить направление действия ритуала...

Он выдержал паузу и закончил:

— Его эффект должен был состоять в том, чтобы заставить ритуал метки жизни, охватывающий всё центральное отделение Инквизиции, считать некого человека мёртвым. А значит — не показывать его в системе наблюдения.

<http://bllate.org/book/12612/1119962>